

О. В. Химичева,

начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ М. М. БОНДАРЬ
«ДОЛЖНОСТНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ
ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ»**

В современных условиях поиска путей повышения эффективности досудебного уголовного производства особой актуальностью обладают диссертационные исследования, ориентированные на совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой властными субъектами. Далеко не все вопросы, касающиеся уголовного преследования, нашли надлежащую уголовно-процессуальную регламентацию, не все проблемы в сфере этой деятельности получили подробное освещение в научной литературе.

Обращение к тексту уголовно-процессуального закона позволяет выявить отсутствие последовательности законодателя при оперировании понятиями «уголовное преследование» и «обвинение» в контексте реализации традиционных подходов к определению сущности уголовно-процессуальных функций; противоречивостью отличается регламентация полномочий следователя, органов дознания, особенно при осуществлении сокращенного дознания, прокурора – в ходе реализации этими субъектами должностного уголовного преследования.

Указанные проблемы нормативной регламентации должностного уголовного преследования подтверждаются официальной статистикой Генеральной прокуратуры Российской Федерации, свидетельствующей об увеличении числа выявленных нарушений законности в деятельности органов предварительного расследования, на что обращено внимание в диссертации.

Вместе с тем в доктрине уголовного процесса сама категория «должностное уголовное преследование» встречается достаточно редко. Высказаны многочисленные противоречивые научные позиции по таким принципиальным аспектам уголовного преследования, как его структура, виды, субъекты, цель, что диктует объективную необходимость монографического исследования в современных условиях правовой природы уголовного преследования в системе уголовно-процессуальной деятельности с акцентом на такой значимой его составляющей, как должностное уголовное преследование.

Сказанное обуславливает несомненную **актуальность темы** диссертационного исследования М. М. Бондарь.

Степень разработанности темы диссертации можно охарактеризовать как высокую. Отдавая должное значимости проведенных ранее исследований по вопросам уголовного преследования в досудебном уголовном производстве, отметим, что проблемы должностного уголовного преследования не получили самостоятельного развернутого анализа с позиций учения об уголовно-процессуальных функциях, в связи с чем разработка частного уголовно-процессуального учения о должностном уголовном преследовании является безусловной заслугой автора.

Во введении работы, основываясь на актуальности выбранной темы диссертационного исследования, соискатель четко определил его **цель** – разработка теоретической модели должностного уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам на современном этапе развития отечественного уголовного процесса.

В соответствии с поставленной целью диссертационного исследования вполне обоснованно определены его **объект и предмет**, а также сформулирован комплекс исследовательских **задач**, последовательно реализованных в структуре диссертации и нашедших разрешение в ее содержании.

Методология и методы исследования не вызывают возражений; они традиционны для научных исследований в области уголовно-процессуального права и позволяют всесторонне и полно изучить проблематику должностного уголовного преследования.

Теоретическую основу исследования образуют труды отечественных ученых-процессуалистов дореволюционного, советского и постсоветского периодов развития уголовно-процессуальной науки, а также исследования в области общей теории права, конституционного права, международного права, уголовного права, криминалистики и оперативно-разыскной деятельности.

Нормативная основа формируется широким кругом источников, она представлена, в частности, нормами международного права, положениями Конституции Российской Федерации, нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, уголовно-процессуальными законами ряда зарубежных государств.

Эмпирическая база исследования достаточно содержательна. Ее составили результаты анкетирования 238 респондентов (сотрудников органов прокуратуры и предварительного расследования) из 19 субъектов Российской Федерации; данные анализа опубликованной судебной практики (сведения об анкетировании подробно раскрыты в приложении № 2 к диссертации); статистические сведения о результатах деятельности за 2010—

2023 гг. органов предварительного следствия, дознания и прокуратуры, размещенные на официальных ресурсах; а также данные, полученные другими авторами, изучавшими уголовное преследование.

Требованию **научной новизны** диссертационного исследования отвечает теоретическая модель должностного уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам, основанная на авторской дефиниции должностного уголовного преследования; уточнении правовой природы уголовного преследования (что позволяет снять логическое противоречие в части соотношения категорий «обвинение» и «уголовное преследование» в дефинитивных нормах ст. 5 УПК РФ); предложениях по корректировке перечня публичных субъектов, осуществляющих должностное уголовное преследование; разработке структуры уголовного преследования на *макроуровне и микроуровне*.

Диссертация имеет традиционную **структуру** и включает введение, три главы (пять параграфов), заключение, список литературы и приложения.

Во *введении* (с. 3—18 диссертации) обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются цели и задачи с учетом объекта и предмета исследования, указываются методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы исследования, раскрывается научная новизна диссертационного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, характеризуется их теоретическая и практическая значимость, приводятся данные апробации и внедрения полученных результатов, указана структура работы.

Первая глава *«Регламентация и доктринальное толкование уголовного преследования в ретроспективе и на современном этапе развития российского уголовного судопроизводства»* содержит материал, служащий базой для предпринятого автором во второй и третьей главах диссертации анализа правовой природы феномена должностного уголовного преследования, проблем его реализации в деятельности следователей, сотрудников органов дознания и прокурора.

В первом параграфе главы 1 *«Категория «уголовное преследование» в уголовно-процессуальном праве и уголовно-процессуальной науке России»* (с. 190—44) значительное внимание уделено исследованию истории появления в российском законодательстве категории «уголовное преследование», развития о ней научных представлений в дореволюционной России, употребления данного термина в трудах ученых советской эпохи и законодательных актах того времени. Оппоненту импонирует глубина и тщательность проработанности историографического раздела работы, где соискатель на основе непосредственного изучения двух десятков источников дореволюционного периода развития науки уголовно-процессуального права анализирует появление и становление учения об уголовном преследовании.

Интересной представляется дискуссия соискателя с другими авторами (М. С. Шалумовым, Р. В. Мазюком и др.) относительно использования категории «уголовное преследование» в нормативных актах после 1923 г. (с. 36—39).

Второй параграф главы 1 *«Уголовное преследование и обвинение в системе уголовно-процессуальных функций»* (с. 44—68) посвящен исследованию соотношения обвинения и уголовного преследования с позиций теории функционализма. Проанализировав существующие в науке взгляды на данные явления, а также использование законодателем указанных терминов в дефинитивных нормах ст. 5 УПК РФ и ст. 15 УПК РФ, автор справедливо подчеркивает, что законодатель употребляет категории «уголовное преследование» и «обвинение» в этих нормах в различных аспектах. Следует согласиться с предложением по устранению выявленного логического противоречия данных нормативных установлений: путем выделения двух сфер употребления анализируемых категорий — функционально-составительной и функционально-структурной. Согласимся с тем, что в п. 22 ст. 5 УПК РФ содержание термина «обвинение» уже, чем термина «уголовное преследование», так как термин «обвинение» употребляется в функционально-структурном аспекте, отражающем структуру уголовного преследования как уголовно-процессуальной функции» (с. 47). Такой подход позволил автору рассматривать уголовное преследование как самостоятельную уголовно-процессуальную функцию, а должностное уголовное преследование – как основную ее составляющую (см. положение на защиту № 2).

Во второй главе *«Должностное уголовное преследование как разновидность проявления функции уголовного преследования»* (с. 69—129) использован оригинальный — деятельностный — подход к исследованию правовой природы данного феномена. С этих позиций соискателем определены ключевые аспекты уголовного преследования как вида уголовно-процессуальной деятельности: его субъекты, объект, мотивы, цель, структура, временной диапазон, способы и принципы реализации (с. 69).

Результаты исследования существующих в науке подходов к обозначенным компонентам характеристики уголовного преследования как деятельности послужили надежной основой при формулировании положений авторской теоретической модели должностного уголовного преследования, для разработки его дефиниции (положение на защиту № 1), определения состава властных субъектов, осуществляющих должностное уголовное преследование (положение на защиту № 3), цели уголовного преследования (положение на защиту № 4), временного диапазона реализации (положение на защиту № 6), структуры уголовного преследования (положение на защиту № 5) и др. Выявляемые при этом проблемы теоретического характера, связанные с дискусионностью ряда аспектов должностного уголовного преследования, позволили обратить внимание на противоречивость или пробельность его нормативной регламентации. Это, в свою очередь, обусловило формулирование автором комплекса проектных норм, направленных на совершенствование регулирования должностного уголовного преследования в действующем уголовно-процессуальном законе.

Третья глава «Проблемные аспекты реализации должностного уголовного преследования в деятельности субъектов досудебного уголовного производства» в большей мере носит прикладной характер и включает три параграфа.

Первый параграф главы 3 «Должностное уголовное преследование и процессуальная самостоятельность следователя» (с. 130—161) содержит поиск путей укрепления процессуальной самостоятельности следователя как важного условия эффективного осуществления им должностного уголовного преследования. Оппонент разделяет позицию автора в части целесообразности такого расширения возможностей следователя обжаловать решения других властных субъектов: путем наделения следователя правом обжаловать решения руководителя следственного органа также прокурору и апелляциям обжаловать решения суда, принятые в досудебном производстве, которые противоречат внутреннему убеждению следователя (положение на защиту № 7, с. 160). Кроме того, вполне обоснована позиция соискателя относительно нецелесообразности кардинального реформирования следственного аппарата с введением его в судебную систему (с. 158).

В параграфе втором главы 3 «Оптимизация уголовного преследования, осуществляемого сотрудниками органов дознания» (с. 161—200) исследованы вопросы осуществления проверки сообщения о преступлении и вынесения органом дознания решения по ее итогам, вопросы фактического задержания, проблемы особого порядка досудебного производства и неотложных следственных действий. Так, обоснованно выделены институциональные проблемы сокращенной формы дознания, в связи с чем предложена альтернатива в виде особого порядка досудебного производства (с. 181—184); на основе разделения фактического и процессуального задержания предложено оформлять первое из них протоколом фактического задержания (с. 191—192); проведено разграничение неотложных следственных действий и следственных действий, проводимых в безотлагательном режиме, и уточнены цели производства неотложных следственных действий в п. 19 ст. 5 УПК РФ (с. 199) (положения, выносимые на защиту, № 8 и 9).

Параграф третий главы 3 «Уголовное преследование в деятельности прокурора: проблемы нормативной регламентации и правоприменения» (с. 200—225) содержит материал по разработке теоретических и нормативных основ реального воплощения функции уголовного преследования в деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам. Интересной представляется попытка соискателя «гармонизировать» надзорные полномочия прокурора и его полномочие по инициированию уголовного преследования путем закрепления в законе процедуры возбуждения прокурором уголовных дел по фактам выявленных им в ходе надзорной деятельности нарушений уголовного закона (положение на защиту № 10).

В диссертации также содержится много иных интересных суждений автора по различным вопросам теории и практики должностного уголовного преследования, подкрепленных надежной аргументацией и ссылкой на официальную правовую статистику и данные проведенных соискателем собственных эмпирических исследований.

В заключении работы (с. 226—231) подводятся итоги проведенному исследованию и формулируются в концентрированном виде выводы, составляющие теоретическую модель должностного уголовного преследования в досудебном уголовном производстве.

Список литературы (с. 232—271 диссертации) включает почти 500 источников.

Пять приложений к диссертации содержат следующие сведения: сводные статистические данные МВД России о количестве выявленных и зарегистрированных преступлений, расследованных уголовных делах и делах, направленных в суд (приложение № 1); результаты анкетирования сотрудников, осуществляющих должностное уголовное преследование (в количестве 238 респондентов) (приложение № 2); сводные статистические данные МВД России о количестве выявленных и зарегистрированных преступлений подследственности органов предварительного следствия (приложение № 3) и органов дознания (приложение № 4); таблицу предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона (приложение № 5).

Теоретическая значимость исследования состоит в создании теоретической модели должностного уголовного преследования в современном досудебном уголовном производстве (с характеристикой его субъектов, объекта, мотивов, цели, структуры, временных диапазонов и способов реализации и др.), в возможности применения полученных результатов в дальнейших научных изысканиях, направленных на развитие уголовно-процессуального учения об уголовном преследовании и частной теории о должностном уголовном преследовании. Примененные в диссертации авторские подходы могут послужить ориентиром для научных работ, касающихся процессуального статуса властных субъектов уголовного преследования, отдельных направлений их деятельности на досудебных стадиях уголовного процесса.

Практическая значимость исследования заключается в разработанных автором проектах правовых норм, направленных на повышение эффективности должностного уголовного преследования. Эти проекты могут стать востребованными в ходе законотворческой деятельности, при подготовке ведомственных нормативно-правовых актов органов уголовного преследования; выводы и предложения диссертанта могут использоваться в образовательном процессе при изучении дисциплины «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)» и правоприменительной деятельности.

Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена применением объективных научно-философских методов познания правовых явлений, обеспечившим логику авторских выводов и их согласованность с некоторыми данными и выводами, опубликованными в монографических работах по

уголовному процессу. Нормативная, теоретическая, эмпирическая основы исследования позволили выявить закономерности складывающейся правоприменительной практики и пробелы в правовом регулировании должностного уголовного преследования в досудебном производстве, убедиться в преемственности развития положений учения об уголовном преследовании и обеспечили объективность суждений соискателя. Апробация результатов исследования и их внедрение в образовательный процесс и практическую деятельность также подтверждают достоверность выводов диссертанта.

Апробацию результатов исследования оппонент считает достаточной для уровня кандидатских диссертаций: основные положения научной работы доложены на 11 научно-представительских мероприятиях различного уровня и опубликованы в 18 статьях общим объемом 5,88 п. л., 5 из которых — в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования результатов диссертационных исследований. Упомянутые научные статьи отражают основные научные результаты диссертации.

Результаты исследования **внедрены** в образовательный процесс ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России», ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России», в практическую деятельность Главных следственных управлений ГУ МВД России по Волгоградской области, МВД России по Донецкой Народной Республике, ГУ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, а также подразделений дознания ГУ МВД России по Волгоградской области и МВД России по Донецкой Народной Республике.

Автореферат соответствует тексту диссертации, отражает основные достижения соискателя в решении важной для теории и практики уголовного процесса задачи.

Диссертационное исследование и опубликованные соискателем научные статьи соответствуют научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Таким образом, можно констатировать, что М. М. Бондарь создана самостоятельная работа, посвященная исследованию актуальной для российской уголовно-процессуальной науки темы, в которой нашли отражение авторские идеи, отличающиеся научной новизной, востребованные не только научным сообществом, но и правоприменителем, а также в законотворческой практике. Автором решена важная для уголовно-процессуальной науки и практики задача – разработана теоретическая модель должностного уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам на современном этапе развития отечественного уголовного процесса.

Тем не менее, несмотря на несомненные достоинства диссертационного исследования, в нем присутствуют дискуссионные моменты.

1. В параграфе 2 главы 1 диссертации соотношение уголовного преследования и обвинения рассмотрено лишь в контексте их осуществления *ex officio* и лишь упомянуто о существовании частного, частно-публичного, субсидиарного и других разновидностей обвинения (в контексте полемики с профессором М. Т. Аширбековой и некоторыми другими учеными, с. 60—61).

Далее, в главе 2, говоря о субъектах уголовного преследования (с. 70—74), автор вновь обращается к этим вопросам, утверждая, что частным лицам предоставлен достаточно широкий диапазон процессуальных возможностей отстаивания своего законного интереса (с. 74).

Осталось нераскрытым, в чем именно видит диссертант эти возможности частных лиц, не входят ли они в «конфликт» с публичным уголовным преследованием.

2. Безусловно, для исследования уголовного преследования важнейшим вопросом является определение цели этой деятельности.

Обозначая цель уголовного преследования, диссертант не всегда последовательна. Так, в положении № 1, выносимом на защиту, указано на «обеспечение правильного применения уголовного закона» (см. также с. 129), однако в положении № 4 — на обеспечение правильного применения уголовного закона *в отношении конкретного лица и его деяния* (см. также с. 107). Данное несоответствие может быть объяснено в ходе публичной защиты.

Кроме того, не вполне ясно, как цель уголовного преследования соотносится с целью уголовного судопроизводства в целом.

3. На с. 126—128 диссертации определены принципы уголовного преследования, к числу которых отнесены полнота и всесторонность, быстрота.

Вместе с тем оппонент считает недостаточными доводы, позволившие в качестве принципов выделить именно эти положения. Требуется пояснения и вопросы об их соотношении с принципами судопроизводства и общими условиями предварительного расследования.

4. Согласно позиции диссертанта в понятие должностного уголовного преследования входит уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая на стадии возбуждения уголовного дела, с самого начала уголовного процесса — с момента поступления сообщения о преступлении (положения № 1, б, выносимые на защиту).

Оппонент в целом поддерживает этот вывод, однако отмечает некоторое несоответствие с предложением по корректировке уголовно-процессуального закона. М. М. Бондарь предлагает изложить ч. 1 ст. 38 УПК РФ следующим образом: «1. Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять *проверку сообщения о преступлении* и предварительное следст-

вие по уголовному делу». Вместе с тем содержание первой стадии уголовного процесса охватывается термином «рассмотрение сообщения о преступлении», где проверка — только один из этапов.

5. Диссертационное исследование имеет значительный объем — 231 страница (без списка литературы и приложений), при этом материал распределен по главам несколько неравномерно. Так, глава 2 (без параграфов) составляет 60 с., что, по мнению оппонента, затрудняет восприятие. Кроме того, в работе рассмотрены злободневные, однако не имеющие непосредственного отношения именно к должностному уголовному преследованию проблемы осуществления уголовно-процессуальной деятельности: проверки сообщения о преступлении и вынесения органом дознания решения по ее итогам, вопросы фактического задержания, дознания в сокращенной форме.

Несмотря на указанные замечания, следует констатировать, что они по большей части дискуссионны и не влияют на общее положительное впечатление от работы.

Диссертационное исследование Марии Михайловны Бондарь «Должностное уголовное преследование на современном этапе развития досудебного уголовного производства России» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки является завершенной самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для уголовно-процессуальной науки. Оно обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в развитие науки уголовно-процессуального права.

В целом диссертация М. М. Бондарь отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, содержащимся в Разделе II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 16.10.2024), а ее автор — Мария Михайловна Бондарь — заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.